

цию картин привез в Петербург в 1898 г. ботаник В. Л. Комаров. Сразу же устроил выставку в Географическом обществе, но учения публика осталась равнодушна. Через 40 лет в том же обществе его председатель, тоже ботаник, Н. И. Вавилов незадолго до исчезновения с удумчивым интересом рассматривал пестрые рисунки, которые развесил для иллюстрации своей лекции китаист В. М. Алексеев.

В статье Рифтина имя Алексеева выделено особо: Алексеев был не только крупнейший коллекционер, но и первый в мировой науке исследователь китайской народной картины как ценнейшего исторического свидетельства, в котором, по его выражению, отразилась вся культурная толща Китая. «Народную картину надо исследовать не для того, чтобы рассказывать о том, какие картины рисуют китайцы, а для того, чтобы проанализировать этот сюжет в общем комплексе культуры Китая, куда он входит как органический элемент» [1, с. 22]. Такой подход к изучению китайской культуры определил время лет на 30.

В 1909 г. Алексеев привез из Китая большую коллекцию (всего, по подсчетам Рифтина, им было собрано около 4 тыс. картин), рассчитывая на издание огромного альбома народных картин, снабженных исследовательским описанием. Однако средств не нашлось, мечты рухнули. До конца жизни Алексеев составлял проекты альбомов (общих и по темам), пытаясь добиться издания. «История будет на нас сетовать, если мы отнесемся с пренебрежением к этим ярким свидетельствам», — взывал он, с горечью напоминая о пагубной привычке изучать культуру только по черепкам и обломкам. Отчаявшись издать альбом воспроизведений, ученый планировал поездку в Китай специально за лубками, чтобы закупить по сотне экземпляров самых интересных, сделать сотню альбомов из оригиналов и распределить их по музеям. Но этот разумный проект оказался неосуществимым. А сколько было бы спасено образцов, исчезнувших вскоре безвозвратно!

Но рядом с равнодушием общества жил и явный интерес. К названным в статье Рифтина именам художников, которых сразу покорили колорит и совершенство китайских народных картин — И. И. Машкова, П. П. Кончаловского, М. Ф. Ларионова, следует добавить имя графика Д. И. Митрохина. В превосходной книге о нем приведена его переписка с Алексеевым. Среди упомянутых с ней «внимательных художников», составлявших невеликую числом, но высокую качеством аудиторию на лекциях Алексеева, были П. Д. Эттингер, В. А. Фаворский,

М. В. Алпатов, Н. В. Ильин. Незадолго до начала войны, 10 марта 1941 г., Митрохин писал Эттингеру: «Посылаю раскрашенный мною билет на лекцию о китайском лубке... У академика В. М. Алексеева столько великолепного материала, и он так охотно и мило идет к нам читать, что графической секции может угрожать превращение в китаеведческий факультет» [2, с. 192]. В конце 1943 г. Алексеев вложил в письмо Митрохину случайно оказавшуюся при нем в эвакуации фотографию: «Посылаю Вам снимок с народной картины, которую когда-то показывая на выставке в Морской улице. Художник VIII века У Дао-цзы так ловко нарисовал дракона, что тот возьми да и улети прямо из-под кисти в небеса. Вот как представляет себе народная картинка успех художника! Чем не Аппеллес!» [2, с. 466]. Митрохин ответил из Алма-Аты: «Ведь и в самом деле надо так работать, чтобы то, что нарисовано, приобретало бы способность оживать в глазах зрителя. И я не раз еще буду поглядывать на У Дао-цзы, мудрого и спокойного!» [2, с. 81]. В феврале 1949 г. Алексеев писал Митрохину, уверенный во взаимопонимании: «15-го я буду в Доме ученых, секции коллекционеров делать доклад "Из моих коллекций китайского лубка", где выворочу массу лубков, старых и новых... Я понемногу прилипаю к коллекционерам, отлипаю от инертных и апатичных восточников, которые не понимают коллекционера, каковым являюсь я. Количество для них — не качество, а для коллекционера оно обязательно, ибо иначе не получить типа, а только случайность... Я верю, что из коллекционеров изойдут вдумчивые ценители и масс, и типов» [2, с. 220].

Алексеев был бы счастлив взять в руки этот альбом, встретить в нем картины из своих коллекций и множество тех, что прошли мимо него — или он мимо них, а теперь открыты его учеником. Эти открытия он оценил бы как никто другой. Счастлив был бы и прочесть статьи «вдумчивых ценителей», убедиться, что его пророчество оправдалось.

Альбом — редчайший образец удачного совмещения серьезной научной информации с непосредственным наслаждением. Можно просто радовать глаз, а можно набраться, если и не самих знаний «китаизма», то, во всяком случае, каких-то к ним предпосылок из трех ни в чем друг друга не повторяющих статей, а также удобно расположенных рядом с репродукциями обстоятельных аннотаций. Обстоятельность не повредила увлекательности, хотя бывает нелегко разобраться в запутанных сю-